

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

УДК 162.6

DOI: 10.17223/1998863X/43/20

И.Б. Микиртумов

ФОРМАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ АРГУМЕНТАЦИИ: ЛОГИКО-КОГНИТИВНАЯ ТЕОРИЯ ЕЛЕНА ЛИСАНИЮК¹

Обсуждается логико-когнитивная теория аргументации Елены Лисанюк, показано, какие черты позволяют отнести эту систему к формальной философии аргументации. Особое внимание обращается на то, как формальная экспликация содержательных оснований обеспечивает эвристический и прогностический эффекты, а также достоверные результаты, позволяющие дифференцировать аподиктическое ядро и контингентные экстерналии.

Ключевые слова: теория аргументации, формальная философия.

Поводом для написания настоящей статьи стал выход в свет книги Елены Лисанюк «Аргументация и убеждение» [1], в которой представлена оригинальная логико-когнитивная теория аргументации (ЛКТ). Ниже я прокомментирую основное содержание этой теории, исходя из исследовательских установок того направления, которое лучше всего характеризуется не вполне привычным для отечественной литературы термином «формальная философия», и постараюсь показать, что в ЛКТ мы встречаем один из первых образцов формальной философии аргументации.

Термин «формальная философия» получил распространение после выхода в свет сборника работ Ричарда Монтегю [2], которые революционным образом изменили стратегию логического анализа естественного языка. В самом общем виде идея Монтегю состояла в том, что за возможностью использования языка во всей полноте его выразительной силы стоит возможность построения непротиворечивой и полной модели такого использования средствами математики, логики и лингвистики. Для доказательства этого факта Монтегю разработал богатую и гибкую систему формальных инструментов и локально продемонстрировал, как она может работать (см.: [3]). На этом пути развились формальная семантика, интенциональная логика и разнообразные методы формализации языка. В числе влиятельных теорий, которые можно отнести к области формальной философии, назову лишь некоторые: теория двойников Д. Льюиса, теория характеров Д. Каплана, теория истины как неподвижной точки и концепция жёстких десигнаторов С. Крипке, теория качеств и концептов Дж. Билера, интенциональная логика А. Чёрча и Э. Эндерсона, группа теорий пересмотра убеждений и мнения (belief revision), теоретико-игровой подход Я. Хинтикки, формальные системы аргументации Г. Праккена, Д. Уолтона, К. Аткинсон и Т. Бенч-Капона, В.К. Финна, систем-

¹ При поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант 14-03-00650.

ная модель аргументации В.Н. Брюшинкина, обобщённые модели рассуждений Д.В. Зайцева, формальная феноменология В.Л. Васюкова.

Две концепции лежат в основании идеи формализации языка и естественных рассуждений. Позитивная исходит из возможности превращения любой задачи познания в задачу логическую, восходит к Лейбницу и донесена до нас традицией логического лейбнизианства, к которой принадлежали и основатель современной логической семантики Готтлоб Фреге [4, 5], и Монтегю. Вторая, негативная, концепция связана с критикой языка науки Венским кружком и ранней аналитической философией, развившейся в критику языка вообще. Сочетание логицистской установки на тотальную формализацию с критической установкой на анализ языкового материала образует идеологию формальной философии. Принадлежность к ней можно определить по выполнению следующих условий: целью исследования является содержательная, а не техническая проблема, используются формальные методы математики, логики, статистики, теории вероятности и т.д., построение охватывает качественно однородную область явлений, обладает относительной полнотой и прогностической силой. Иными словами, формальная философия – это совокупность полноценных научных теорий, использующих точные методы в философском познании (см.: [6]).

Применение аналогичной исследовательской стратегии в сфере исследования аргументации – это актуальная задача, от решения которой зависит, в частности, приобретёт ли теория аргументации статус действительной науки. Теория аргументации появилась на пересечении предметных полей логики, риторики и лингвистики в середине XX в. Основополагающими работами в новой области стали вышедшие в 1958 г. книги Хаима Перельмана и Люси Ольбрехтс-Тытеки «Трактат по аргументации; новая риторика» [7, 8] и Стивена Тулмина «Использование аргументов» [9]. Их мотивом были потрясения и катастрофы первой половины XX в., сделавшие актуальным вопрос о том, как распространяются убеждения и как осуществляется убеждающее воздействие, когда и почему терпят неудачу не только критика, но хорошо обоснованные знания. Теория аргументации имеет выраженную критическую направленность по отношению к явлениям коммуникации вообще и массовой культуры общества потребления в частности, что придаёт работам по анализу аргументации характер полезной социальной практики, но не позволяет сформироваться научной теории. Работы по аргументации подразделяются на две группы. К первой относятся критически ориентированные case study, ко второй – нормативно ориентированные эмпирические обобщения. Масштабные программы также подразделяются на две категории. В одних представлено большое количество обобщений – таковы и названные выше работы основателей современной теории аргументации, а в других разрабатываются конкретные методы анализа и аргументации – таковы, например, прагматическая теория (Ф. ван Еемерен, Р. Гротендорст, П. Хоотлоссер), диалектика и формальная диалектика (Ч. Хэмблин, Д. Уолтон, Э. Краббе, К. Аткинсон, Т. Бечн-Капон), так что первые эклектичны, а вторым недостаёт общности. При этом вопрос об аргументации как о предмете полноценной философской теории до сих пор не решён. Можно ли считать аргументацию целостным явлением, или это не более чем агрегат разнородных и случайно смежных явлений? Логико-когнитивная теория аргументации Е. Лисанюк

предлагает развёрнутое обоснование первой половины этого диалектического положения.

В ЛКТ аргументация понимается как совместная деятельность людей, как диалог, возможно, с самим собой, цель которого познавательная и состоит в раскрытии знаний, мнений, ценностей, желаний, намерений, целей и планируемых действий участников. Осуществляется такое раскрытие при испытании состоятельности и убедительности позиций в диалогах различных типов. Человек в аргументации предстаёт в роли когнитивного агента, наделённого свободой мыслить и рассуждать так, как он к этому способен и предопределён различными обстоятельствами. Само аргументативное взаимодействие есть не что иное, как спор [1. С. 32], который имеет три разновидности, это *обоснование*, *убеждение* и *практическая аргументация*. Деление производится по двум критериям, первый из которых, логический, предполагает ответ на вопрос о том, выражена ли в формулировке точки зрения агента пропозиция или же она имеет непропозициональное содержание. Вторым критерий имеет когнитивный характер и связан с дифференциацией целей аргументации. Так, *обоснование* предполагает взаимодействие агентов, направленное на исследование одной позиции, реальный или виртуальный второй участник диалога не выдвигает при этом своей позиции, хотя и критикует противника. *Убеждение* имеет своей целью изменение позиции партнёра и предполагает раскрытие позиций обеих сторон. В *практической аргументации* целью является выбор оптимальной линии поведения, т.е. последовательности действий в перспективе решения разделяемой сторонами задачи.

Построение модели агента – это труднейшая задача любой логико-философской теории. Разнообразные способы трактовки и репрезентации мыслящего, волящего и действующего человеческого существа мы находим везде, начиная с классической риторики и заканчивая мультиагентными информационными системами и теориями принятия решений. Сложность состоит в установлении адекватного соотношения между применением формальных инструментов, характеризующих способность человека создавать и использовать системы, приводящие к аподиктическому выводу, с одной стороны, и сохранением черт интеллектуальной и моральной свободы, позволяющей мыслить и действовать в тех сферах, в которых аподиктическое недостижимо. С указанной задачей ЛКТ справляется путём дифференциации сущностного ядра теории и внешних по отношению к нему данных – экстерналий, максимизируя число последних, что представляется единственно возможным для логико-философской теории. В русле идеи когнитивной разновидности или когнитивного многообразия Стивена Стича [10] агентам в ЛКТ придана высокая степень свободы иметь различные когнитивные состояния, равно как и пользоваться различными способами их формирования. Один и тот же агент может использовать разные знания и мнения в разных спорах, нельзя требовать от него эксплицитного использования всех знаний, с которыми он потенциально готов был бы согласиться, нельзя вменить ему интроспективное знание, например, того, как он обосновывает свои эпистемические установки, не является обязательной логическая совместимость всех положений из сфер знания и мнения агента, наконец, в широких пределах колеблется его умение осуществлять на практике как логические доказатель-

ства, так и вообще любые рассуждения, не говоря уже об оценке предъявляемых ему доказательств и рассуждений других агентов. Основополагающий для ЛКТ принцип когнитивного многообразия проявляется в следующем. Во-первых, агент обладает способностью к модификации своих эпистемических состояний и аргументативных позиций под воздействием критики и приобретения новых знаний. Процессы удаления положений, не релевантных новой когнитивной ситуации, независимы при этом от процессов порождения новых аргументов [1. С. 186–188], что снимает фатальную, например, для некоторых систем формальной диалектики проблему поддержания непротиворечивости плана установок и его совместимости с планом фактов [Там же. С. 161–163]. Во-вторых, позиция агента рассматривается как набор не обязательно взаимосвязанных между собой элементов различной природы, в числе которых не только хорошо различённые эпистемические установки – знания и мнения, но и цели, ценности, намерения и желания. Подразумеваемая при этом формальная онтология обосновывается логико-семантически, но получает поддержку и со стороны прикладных онтологий информационных систем, предназначенных для воспроизведения мультиагентных взаимодействий.

Формальный аппарат ЛКТ базируется на логической теории аргументационных структур Пхана Дунга [11], которая уже два десятилетия остаётся одним из основных средств логического моделирования аргументации как в системах искусственного интеллекта, так и в иных формальных исследованиях. Эта теория построена на пропозициональном уровне, что обеспечивает ей компактность и простоту, но в отличие от всей риторической традиции, система Дунга моделирует не отношения поддержки аргументами тезиса, а отношения атаки на тезис со стороны аргументов противника. Эта смена точки зрения оказалась очень плодотворной. Эффективная формализация отношения поддержки требует релевантной импликации, поскольку импликация материальная адекватно естественными рассуждениями не интерпретируется, в то время как отношение атаки означает так или иначе определяемую несовместимость двух аргументов, позволяя обойти вопрос о релевантном следовании. Предполагается, что само отношение атаки имеет место тогда, когда атакованный и атакующий аргументы уже несовместимы, т.е., наблюдая спор, мы доверяем агентам в том, как они подбирают аргументы друг против друга. Это сильное допущение имеет семантическую природу и воплощается в «доверительной семантике», ассоциируемой с системами Дунга.

Простейшая аргументационная структура включает два множества аргументов – утверждений, подкреплённых доводами, причём между любыми двумя аргументами, независимо от их принадлежности к тому или иному набору, может иметь место отношение атаки – *attack*. Атаковать можно по-разному. Поскольку аргумент не всегда элементарная единица, т.е. может иметь внутреннюю структуру, образованную доводами, обоснованием и заключением – точкой зрения, то определимы и три вида атаки: *подрыв* довода, *отсечение* обоснования и *опровержение* точки зрения. К отношению *attack*, ключевому для системы Дунга, в ЛКТ Е. Лисанюк добавляется отношение *support* – поддержки, которое также определено на основе принципа доверительности, т.е. не сводится ни к классическому логическому выводу тезиса из аргументов, ни к релевантному или вероятностному его варианту. В качестве

экстерналии предполагается, что агент способен сформировать свою позицию так, чтобы используемые аргументы поддерживали друг друга в форме, адекватной конкретному развёртыванию спора [1. С. 39–42]. Это очень удачное решение позволяет обойти огромное количество трудностей и сохранить простоту формализма ЛКТ.

Бесконфликтным в ЛКТ называется такое множество аргументов, ни один из которых не атакует другой. Бесконфликтное множество соответствует слабой или минимальной *состоятельности* позиции агента, если она не была атакована. Если аргумент *B* атакует *C*, а *A* атакует *B*, то атака на *C* считается отклонённой. Сам *C* оказывается *относительно защищённым*, если можно найти неотклонённый атакующий его аргумент *D*, и *полностью защищённым* в противоположном случае. *Относительно состоятельной* будет тогда позиция, в которой некоторые атакованные аргументы были защищены, а *полностью состоятельной* – та, в которой все аргументы полностью защищены. В доверительной семантике выигрывает та сторона спора, за которой остаётся последнее слово, – неотклонённая атака.

Но что произойдёт, если полную позицию выстроить в другой структуре, в такой, где появится новый атакующий её аргумент, который не будет контратакован? Очевидно, что для защиты позиции её следует расширить аргументами, способными отразить атаку. В ряде систем логики умолчаний, эпистемической и немонотонной логик, описываются различные способы расширения аргументационного множества, которые сохраняли бы бесконфликтность и достигнутую защищённость аргументов, а также позволяли бы отклонять атаки. В результате может быть получено *устойчивое* расширение, отражающее атаки всех не принадлежащих к нему аргументов, а также его часть – *предпочтительное* расширение, представляющее собой наименьший набор аргументов, необходимых для сильной состоятельности позиции. Интересно, что отношения *support* и *attack* не зависят друг от друга, поскольку первое репрезентирует «внутренние» эпистемологические установки агента, а второе связывает аргументы его позиции в конфликтном взаимодействии с позицией другого агента, имея поэтому «внешний» или более объективный характер. Здесь ЛКТ перекликается с формальными системами аргументации Генри Праккена [12].

Для множеств аргументов α и β некоторой аргументационной структуры теоретически существуют все варианты задания отношений *support* и *attack*. Но если формализм ЛКТ применяется для моделирования конкретного спора, то ему будет соответствовать только один из них. Как его определить? Здесь перед исследователем, который строит формальную систему, встает выбор, попытаться описать адекватную конкретной коммуникативной ситуации семантику отношений *support* и *attack* или обойти её, рассматривая подобную семантику как экстерналию. Последнее и является правильным для общей теории, поскольку отношения *support* и *attack* неформализуемы для сколь угодно большого класса коммуникативных ситуаций и заданы в ЛКТ и подобных системах, так сказать, математически, т. е. как частное отображение из всего возможного их многообразия. Выбор варианта, адекватного конкретному спору, представлен здесь как результат работы функции, подобной семантической функции означивания. В ЛКТ эту роль выполняет абстрактная

функция «рационального судьи», которая и определяет непустое множество полностью защищённых аргументов данного спора.

Обоснование, убеждение и практическая аргументация моделируются формальными средствами ЛКТ, где для каждого из видов спора строится аргументационная система со специфическими свойствами. Использование отношений *support* и *attack* одновременно, но независимо друг от друга – это ценное нововведение ЛКТ. Попытки моделировать первое отношение – это распространённая практика, коренящаяся в ортодоксальном взгляде, согласно которому риторическое есть несовершенное или испорченное логическое. Такой подход успешен только при наличии полного описания прикладной онтологии и хорошей структурированности механизмов обоснования, как это, например, имеет место в работах Г. Праккена, касающихся правовой аргументации (см.: [12, 13]). Правильная, на мой взгляд, исследовательская установка состоит в том, чтобы следовать за эмпирическим материалом. Отношения поддержки между аргументами в позиции и качественно, и количественно зависят от характеристик агента, а в силу постулата когнитивного многообразия извне агенту нельзя ничего вменить. Отношение атаки в споре сталкивает установки двух агентов, ведущих игру в условиях недостатка информации, когда аргументы одного всегда могут оказаться неожиданными для другого. Поэтому позиция агента в споре в общем случае не может быть абсолютно надёжной, пока не показано, что она способна отразить любые атаки любых агентов. И уже в самой ситуации спора агенту может просто не хватить времени для того, чтобы при появлении неожиданного атакующего аргумента не только выдвинуть контраргумент, но сделать это так, чтобы он был хорошо согласован с уже имеющимися. Формально в ЛКТ первый случай характеризуется как *распространение* позиции, а второй – как её *расширение*. Второе связывает аргументы позиции отношением *support*, в то время как первое предполагает установление отношения *attack* между аргументами разных позиций [1. С. 215–217].

Формальные результаты, касающиеся возможности расширения нетривиальных бесконфликтных множеств аргументов до *устойчивого* и содержащего в себе все свои следствия расширения, позволяют в рамках *минимальной* системы строго выразить свойства слабой и сильной состоятельности позиции в споре-обосновании. Для формального представления спора-убеждения в ЛКТ строится *стандартная* система, предполагающая уже не «доверительную», а «скептическую» семантику описания позиций. «Внутренний» критерий состоятельности заменяется здесь на «внешний» критерий убедительности, так что оппонент признаёт убедительным лишь такой аргумент, который защищён от всех атак. Позиция является убедительной, если все её аргументы защищены от всех атак аргументов других позиций. Функция «рационального судьи» выполняет здесь работу по указанию подмножества убедительных аргументов, которое может включать в себя все убедительные аргументы данной структуры и быть при этом расширением некоторой позиции. В этом случае оно называется *полным* расширением, а соответствующая позиция – *сильно убедительной*. В ЛКТ строго доказывается, что такая позиция в споре может быть только одна. Если же расширение позиции агента содержит какое-то количество убедительных аргументов, то оно называется *прочным*, а сама позиция – слабо убедительной. Часто бывает,

что в споре убедительные аргументы есть у обеих сторон, и это значит, что расширение их позиций не приведёт к появлению сильно убедительной позиции ни в одном из случаев.

Формальное представление видов расхождения во мнениях хорошо показывает, как работает формальная философия. Расхождение во мнениях можно зафиксировать уже по самому факту атаки аргумента некоторой позиции. Если я выражаю сомнение в правильности заявленной оппонентом точки зрения, то я демонстрирую это либо прямо, говоря, «я сомневаюсь в том, что...», «принято считать, что...», задавая риторический вопрос «а не иначе ли обстоит дело...» и т.п., либо косвенно – мимически, с помощью восклицаний и междометий, жестов и пр. Сомневающийся по тем или иным причинам не готов представить свою собственную точку зрения, так что он лишь заявляет позицию, но не обосновывает её. *Сомнение* – это атака, при которой атакующий аргумент не имеет поддержки внутри позиции оппонента. Если же такая поддержка есть, то перед нами уже *несогласие*, предполагающее, что обсуждается одна позиция, но точек зрения две. Наконец, третьей формой расхождения во мнениях оказывается *конфликт*, сущность которого в том, что атаки взаимны, а поддержка обеспечивается для всех аргументов, вовлечённых в спор. В случае сомнения оппонент не имеет стратегии, проponent защищается, в случае несогласия оппонент критикует, проponent снова избирает защиту, а в случае же конфликта оба используют все доступные стратегии. Простота приведённых определений кажущаяся и объясняется тем, что они получены в хорошо проработанной формальной теории, так что установленные различия между сущностями, их свойствами и отношениями приводят к этим определениям как к своим следствиям. Здесь проявляется эвристический потенциал ЛКТ в отношении явлений эпистемологической природы.

ЛКТ работает и в сфере акционального, пожалуй, самой сложной для формального анализа. Нельзя не признать, что общетеоретические результаты исследования желаний, целей, ценностей, намерений и действий остаются пока весьма скромными. Как и в случаях формального анализа, аргументации удачи здесь имеют частный и прикладной характер. Предположу, что это может отражать принципиальную невозможность построения общей теории действий как следствие глубокой разнородности явлений, лишь кажущихся родственными в силу их смежности в рефлексии человеческого поведения. Об этом свидетельствуют как трудно совместимые расхождения в интересах различных дисциплин (см.: [14]), так и описательный характер разработок логических вопросов (см.: [15]). Но это не значит, что формальная теория, репрезентирующая наш способ рассуждений о действиях, не может быть построена. Методологически проблема снова состоит в разграничении фундаментальных сущностей теории и экстерналий – внешних параметров, так что формальная модель аргументации должна быть направлена уже не на оценку истинности или правдоподобия пропозиций, а на предпочтительность линий поведения – связки из желаний, убеждений, целей, ценностей, намерений и действий. Оказывается, что для нужд компактной формальной теории аргументации достаточно выделить два объекта, а именно линию поведения и цель, на достижение которой она направлена [1. С. 296–297]. В совокупности они образуют позицию в третьем виде спора, а именно в *практической аргу-*

ментации. В логико-философском отношении здесь важны иные характеристики, нежели те, которые выделяются в работах по искусственному интеллекту: линия поведения задаётся акциональным (в узком смысле), пропозициональным и модальным сегментами. Первый объединяет цель, намерения и желания агента, второй – положения дел, относительно которых агент имеет знания и мнения, третий – совокупность оценок по их достижимости, равно как по осуществлению действий.

Характерной чертой практической аргументации в ЛКТ является зависимость спора от заявленной цели линии поведения. Атака на линию поведения оппонента означает либо критику, либо выдвижение альтернативной линии поведения, ведущей к той же цели. Это существенно ограничивает возможности атак и контратак, тем более что заявить линию поведения – это значит заявить согласованную последовательность действий, сопровождаемую последовательностями изменяющихся сегментов позиции. Совершение некоторого действия создаёт новую ситуацию и может принести обстоятельства, которых агент не ожидал. Вероятность таких обстоятельств, иногда и вовсе делающих невозможным достижение цели, не может не учитываться при продумывании линии поведения и влияет на степень её эффективности в качестве средства атаки. Здесь возможны как относительные, так и абсолютные расхождения во мнениях, а именно когда результатом атаки становится модификация линии поведения или же полное её отвержение.

Как определяются взаимозависимости сегментов линии поведения в динамике практической аргументации? Этот вопрос оказывается ещё более сложным, нежели вопрос о модификации эпистемических установок в споре-убеждении. Нельзя не заметить здесь некоторой иронии «природы» – игрока, не являющегося агентом: спорить по разным поводам люди начинают сизмальства, равно как и убеждать, убеждаться, избирать линию поведения, а затем принимать лучшую линию поведения, но эти феномены не поддаются формализации, не укладываются в логическую теорию, а допускают лишь дескриптивное, так сказать, «крупноузловое» моделирование. В ЛКТ использование тех или иных методов, т.е. фрагментарной формализации или же дескриптивного моделирования, имеет характер экстерналий. Так, поставленный вопрос получает ответ, с одной стороны, благодаря применению в качестве экстерналий логических систем модификации эпистемических установок (*belief revision*), динамической эпистемической логики, немонотонной логики и разделению правил умозаключений на строгие и отменяемые, а с другой – с использованием в том же качестве классических риторических топов в редакции Д. Уолтона и при формальной экспликации К. Аткинсон и Т. Бенч-Капона. Повторю, что, с моей точки зрения, дифференциация сущностного ядра и технических экстерналий – это единственно правильная стратегия для логико-философской теории. Средствами *относительной* аргументационной системы, созданной для моделирования практической аргументации в ЛКТ, удаётся хорошо описать два вида расхождения во мнениях в практической аргументации: *несогласие* и *конфликт*. *Несогласие* есть лишь критика, но её возможности разнообразны, поскольку критиковать как неадекватные для достижения цели можно и ценность, и действие, и мнение, и желание. *Конфликт* – это выдвижение альтернативной линии поведения. Здесь можно сформулировать определения полных и прочных расширений

позиций сторон, а также оценить степень сложности согласования составов расширяемых сегментов линий поведения.

Представленная в ЛКТ система понятий образует вполне убедительную формально-философскую концепцию, не лишённую, впрочем, одного слабого места. То, что называют сегодня теорией аргументации, пока ещё не является теорией, но лишь совокупностью разнонаправленных исследований, использующих разнородные методы. Их терминологический аппарат местами наивен, а специальные значения слов-терминов переплетаются, во-первых, с их обыденным значением, во-вторых, с их нетерминологическим употреблением в языке науки. «Аргумент», «довод», «мнение», «убеждение», «спор», «конфликт», «несогласие», «атака», «поддержка», «цель», «поведение» – это термины ЛКТ, которые неизбежно фигурируют как в специальном, так и в обыденном значении, что требует постоянной работы по их дифференциации. Осуществить это систематически для всей теории можно путём углубления либо когнитивной (эмпирически ориентированной), либо же логической (теоретически ориентированной) составляющих, но не их вместе. Если такая задача может быть легко решена в сфере искусственного интеллекта, в которой находят применение различные формализации отношений аргументов (каковы упомянутые выше системы Дунга и Праккена), то для философской логики задача остаётся весьма трудной, так как область её референции, если выйти за пределы формальной онтологии, оказывается необозримой, и при этом плохо исследован универсум когнитивных явлений, как он сформирован когнитивными науками. Методология ЛКТ состоит поэтому в последовательной дифференциации логического ядра и соответствующей ему формальной онтологии от экстерналий – внешних данных, которые и возникают из области когнитивного. Такой путь является для формально-философского исследования наиболее адекватным и оставляет открытыми все пути дальнейшего сближения с когнитивистикой.

Литература

1. Лисанюк Е.Н. Аргументация и рассуждение. СПб. : Наука, 2015. 398 с.
2. Thomason R.H. (ed.) Formal philosophy : Selected papers of Richard Montague. New Haven : Yale University Press, 1974.
3. Герасимова И.А. Формальная грамматика и интенциональная логика. М. : ИФ РАН, 2000. 156 с.
4. Чернокутов Ю.Ю. Готтлоб Фреге и логическая традиция // Историко-логические исследования. СПб., 2003. С. 238–264.
5. Chernoskutov Y.Y. Logic and object theory in 19th century: from Bolzano to Frege // Логические исследования. 2013. Т. 19. С. 10–22.
6. Hendricks S. (ed.) Formal philosophy. Copenhagen : Automatic Press, 2005.
7. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca, L. Traité de l'argumentation; la nouvelle rhétorique. Paris : Presses Universitaires de France, 1958.
8. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca, L. The new rhetoric: A treatise on argumentation. Notre Dame : University of Notre Dame Press, 1969.
9. Toulmin S. The uses of argument. Cambridge : Cambridge University Press, 1958.
10. Stich S. Reflective equilibrium, analytic epistemology and the problem of cognitive diversity // Synthese. 1988. Vol. 74, № 3. P. 391–413.
11. Dung P.M. On the acceptability of arguments and its fundamental role in nonmonotonic reasoning, logic programming and *n*-person games // Artificial Intelligence. 1995. Vol. 77. P. 321–357.
12. Prakken H. Formalising debates about law-making proposals as practical reasoning // Logic in the Theory and Practice of Lawmaking (Legisprudence Library Series) / ed. M. Araszkievicz, K. Pleszka, N.Y. Heidelberg. London : Springer, 2015. P. 301–321.

13. *Prakken H.* An abstract framework for argumentation with structured arguments // *Argument and Computation*. 2011. Vol. 1 (2). P. 93–124.

14. *Ditmarsch H. van, Halpern, J.Y., Hoek, W. van der, Kooi, B.* (eds.). *Handbook of Logics for Knowledge and Belief*. London : College Publications, 2015.

15. *Meyer J.-J.Ch., Broersen J., Herzig A.* BDI Logics // *Handbook of Logics for Knowledge and Belief* / ed. Ditmarsch H. van, Halpern J.Y., Hoek W. van der, Kooi, B. London : College Publications, 2015. P. 453–498.

Ivan B. Mikirtumov, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation).

E-mail: i.mikirtumov@spbu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 43. pp. 213–223.

DOI: 10.17223/1998863X/43/20

FORMAL PHILOSOPHY OF ARGUMENTATION: THE LOGIC-COGNITIVE THEORY OF ELENA LISANYUK

Keywords: argumentation theory; formal philosophy.

In the article, the author discusses Elena Lisanyuk's logic-cognitive theory of argumentation (LCT) and tries to show that it belongs to the sphere of "formal philosophy", whose ideology is formed by a combination of a 'logicistic' tendency towards total formalisation with a critical mindset aimed at the analysis of linguistic material. The argumentative interaction in LCT has the form of a dispute, which falls into three kinds: rationale, persuasion and practical argumentation. The formal apparatus of LCT is based on Phan Dung's logical theory of argument structures and echoes Henry Prakken's formal systems of argumentation. Rationale, persuasion and practical argumentation are modeled by formal means of LCT, where an argumentation system with specific properties is constructed for each type of dispute. Formal results concerning the possibility for non-trivial conflict-free sets of arguments to expand up to stable and encompassing extensions of their own make it possible, within the framework of the minimal system, to strictly express the properties of the weak and strong consistency of the position in the dispute-rationale. For the formal representation of the dispute-persuasion in LCT, a standard system is constructed, assuming the no longer "trustworthy" but "skeptical" semantics of the description of positions. The "internal" criterion of consistency is replaced here with the "external" criterion of persuasiveness, so that the opponent recognises only an argument that is safe from all attacks. The position is convincing if all its arguments are protected from all attacks of arguments of other positions. The weak point of LCT is the naivety of the terminological apparatus of the theory of argumentation: special meanings of word-terms are interwoven, first, with their ordinary meaning and, second, with their non-terminological use in the language of science. Their systematic differentiation for the whole theory requires the deepening of either cognitive (empirically oriented) or logical (theoretically oriented) components, but not the two of them together. In general, Lisanyuk's logical-cognitive theory of argumentation creates a good basis for the analysis of a wide range of communication phenomena, and is immaculate in relation to logical methodology, since it consistently differentiates the logical core and external data.

References

1. Lisanyuk, E.N. (2015) *Argumentatsiya i rassuzhdeniye* [Argumentation and Reasoning]. St. Petersburg: Nauka.
2. Thomason, R.H. (ed.) (1974) *Formal philosophy: Selected papers of Richard Montague*. New Haven: Yale University Press.
3. Gerasimova, I.A. (2000) *Formal'naya grammatika i intensional'naya logika* [Formal Grammar and Intensional Logic]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.
4. Chernskutov, Yu.Yu. (2003). Gottlob Frege i logicheskaya traditsiya [Gottlob Frege and Logical Tradition]. In: Slinin, Ya. (ed.) *Istoriko-logicheskiye issledovaniya* [Investigation in the History of Logic]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 238–264.
5. Chernskutov, Yu.Yu. (2013) Logic and object theory in the 19th century: from Bolzano to Frege. *Logicheskiye issledovaniya – Logical Investigations*. 19. pp. 10–22.
6. Hendricks, S. (ed.) (2005) *Formal philosophy*. Copenhagen: Automatic Press.
7. Perelman, Ch. & Olbrechts-Tyteca, L. (1958) *Traité de l'argumentation; la nouvelle rhétorique* [Treaty of Argumentation; The New Rhetoric]. Paris: Presses Universitaires de France.

8. Perelman, Ch. & Olbrechts-Tyteca, L. (1969) *The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation*. Notre Dame: University of Notre Dame Press.
9. Toulmin, S. (1958) *The Uses of Argument*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Stich, S. (1988) Reflective equilibrium, analytic epistemology and the problem of cognitive diversity. *Synthese*. 74(3). pp. 391–413. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199733477.001.0001
11. Dung, P.M. (1995) On the acceptability of arguments and its fundamental role in nonmonotonic reasoning, logic programming and n -person games. *Artificial Intelligence*. 77. pp. 321–357. DOI: 10.1016/0004-3702(94)00041-X
12. Prakken, H. (2015) Formalising debates about law-making proposals as practical reasoning. In: Araszkiewicz, M. & Pleszka, K. (eds) *Logic in the Theory and Practice of Lawmaking (Legisprudence Library Series)*. Heidelberg, New York, London: Springer. pp. 301–321.
13. Prakken, H. (2011) An abstract framework for argumentation with structured arguments. *Argument and Computation*. 1(2). pp. 93–124. DOI: 10.1080/19462160903564592
14. Ditmarsch, H. van, Halpern, J.Y., Hoek, W. van der & Kooi, B. (eds) (2015) *Handbook of Logics for Knowledge and Belief*. London: College Publications.
15. Meyer, J.-J.Ch., Broersen, J. & Herzig, A. (2015) BDI Logics. In: Ditmarsch, H. van, Halpern, J.Y., Hoek, W. van der & Kooi, B. (eds) *Handbook of Logics for Knowledge and Belief*. London: College Publications. pp. 453–498.